— Неужели ваше имя сто́ит так мало, что я даже не могу вкусить возлюбленную перед тем как умру?

Выражение лица Цзинь Е начало меняться. Даже она уже не могла относиться к словам Янь Мугэня как к простому развлечению.

— Я вижу, ты не просто дерзок. Зачем притворяешься, когда ничего собой не представляешь?

Мугэнь не ответил.

— Я ненавижу таких мужчин, как ты.

Цзинь Е медленно встала со своей кровати и бесшумно подошла к Янь Мугэню. Её пронзительные малиновые глаза смотрели прямо на него. Она продолжила:

— Позволь мне дать тебе совет, Мугэнь.

Это из-за того, что ночь была тихой?.. Речь Цзинь Е была спокойной, голос не был ни громким, ни тихим, но в её словах сквозила странная сила:

— Если у тебя ничего нет, знай, по крайней мере, как ползать.

Цзинь Е, красивая женщина, была ниже Мугэня. Тем не менее, каждое слово и действие несли в себе возвышенность и достоинство, подходящие императору. Один только свет в её глазах так сильно давил на Мугэня, что ему было трудно дышать.

Кадык Мугэня дёрнулся, когда он сглотнул. Он подождал мгновение, опасаясь что голос его предаст, но в конце концов смог произнести:

— Я всю свою жизнь ползал.

Мугэнь не чувствовал вины за свои слова, хотя и говорил с императором. Он не знал как. Янь Мугэнь был сыном обычных простолюдинов, и их мир был единственным, который он знал. Он продолжил:

— Мне приходилось кланяться всякий раз, когда дворянин проезжал передо мной в своём паланкине, и я склонял голову в том числе перед проходящими мимо торговцами, если был голоден. Но...

Выражение лица Цзинь Е посуровело, когда Мугэнь сделал паузу. Она намеревалась подождать и посмотреть, какие ещё дерзновения от него услышит. Затем Мугэнь задал вопрос:

— Теперь я должен ползать даже перед своей собственной возлюбленной?

Как она и ожидала, он нёс чепуху. Янь Мугэнь говорил, забыв своё место.

— Я никогда не позволяла тебе быть моим возлюбленным.

— Но небеса позволили.

Кто-то фыркнул, когда Мугэнь возразил. Это была не Цзинь Е, так что, вероятно, Чо Соёп, в данный момент находившийся вне поля зрения Мугэня, так показывал своё презрение. Несмотря ни на что, Мугэнь не обернулся и продолжал смотреть только на Цзинь Е.

— Есть кто-то, стоящий выше воли небес.

Мугэнь сосредоточился на каждом малейшем движении алых губ Цзинь Е.

— И этот кто-то — я.

Вот как он узнал.

— Я не желаю такого жалкого человека, как ты.

Так он узнал, насколько особенной была женщина, стоящая перед ним.

Она птица иного полёта. Другой такой никогда не будет.

Цзинь Е была самой красивой женщиной, которую когда-либо встречал Янь Мугэнь. Настолько близко великолепная она стояла, что он мог протянуть руку и коснуться её. Его инстинкты как человеческого существа не оставляли ему иного выбора, кроме как желать её.

Было вполне естественно, что он хотел её. Впервые в своей жизни Мугэнь испытывал необузданное собственническое желание. Его сердце бурлило, как будто могло растопиться в любой момент. Горячие эмоции, подступившие к горлу, почти душили его. Только по этой причине он не мог не задать свой вопрос, даже видя презрение в её глазах:

— Что мне нужно сделать, чтобы завладеть вашим сердцем?

На этот раз не Соёп, а Цзинь Е фыркнула. Мугэнь снова задал ещё один нелепый вопрос.

И он был настолько невежественен, что даже не смутился. Цзинь Е действительно никогда в

жизни не встречала никого похожего на Мугэня. Они жили в совершенно разных мирах. Да, они могли быть связаны небесами, но Цзинь Е была уверена, что она и Мугэнь были людьми, которым никогда не суждено быть вместе.

То, что ему нужно было сделать, чтобы завладеть её сердцем — было чем-то, чего он никогда не смог бы воплотить, даже если бы она ему рассказала. Поэтому Цзинь Е сказала ему прямо, без утайки и колебаний:

— Если ты хочешь завладеть моим сердцем, то сначала должен доказать мне свою ценность.

В любом случае Мугэнь, очевидно, не понимал, о какой «ценности» она говорила. Она продолжила:

— Но ты ведь понятия не имеешь, как это сделать.

В Цзинь Е не было ни великодушия, ни доброты.

— Даже клинок моего слуги жалко тратить на таких дураков, как ты... Соёп.

Цзинь Е повернулась к слуге. Чо Соёп ответил быстро:

— Прошу вас, приказывайте.

Цзинь Е подняла правую руку, и её длинный тонкий указательный палец указал на лицо Мугэня, когда она сказала:

— Брось его в Юбжу.

Юбжу — плачущая земля. Это самое опасное место размножения крылатых несчастий в империи Хван.

Крылатые несчастья были первыми бедствиями, когда-либо обрушившимися на мир. Самые страшные монстры в мире, рождённые в тот момент когда человек бросил вызов судьбе, не смог отказаться от своей любви и поглотил свою любовницу — прежде чем та смогла оставить его ради своей предначертанной судьбы. У монстров на спинах были проклятые божественные крылья, поэтому люди называли их «несчастья с божественными крыльями», или сокращённо «крылатые несчастья». Кровь бесчисленного числа людей проливалась везде, где появлялись эти твари.

Юбжу, где появилось первое крылатое несчастье, не стала исключением. Сколько слёз было пролито в Юбжу, что название всего региона сменили на «плачущую землю»... Обычного человека разорвало бы в клочья, ступи он на эту землю.

Грубо говоря, Цзинь Е отправляла Мугэня на верную смерть. Причём очень жалким образом.

Естественно, Мугэнь точно знал, что это за место, Юбжу. И он точно понял, в чём заключался приказ Цзинь Е.

Мугэнь скрежетал зубами, когда Соёп невозмутимо ответил:

— Слушаю и повинуюсь.

Соёп вложил меч в ножны и дёрнул Мугэня за руку, чтобы вытащить его обратно наружу. Взгляд Янь Мугэня пронизывал Цзинь Е, когда его тащили к дверям — и он упрямо отказывался отводить взгляд.

Под этим пристальным взглядом Цзинь Е пробормотала себе под нос:

— Если тебе суждено каким-то образом выбраться из Юбжу живым... Тогда да, я признаю хотя бы малую часть твоей «ценности».

С беспочвенной уверенностью Янь Мугэнь заявил:

— Я вернусь. Прошу, пообещайте мне, что вы позволите мне оставить отпечаток на вашем теле, как только я докажу свою ценность, ваше величество.

...Отпечаток? Уголки губ Цзинь Е поползли вверх — слова Мугэнь застали её врасплох.

Отпечаток. Отпечаток между двумя родственными душами заверял, что детей они смогут иметь только друг от друга. Из-за отпечатка они могли сойти с ума или даже подвергнуть риску свою жизнь, разлучись они на слишком большое расстояние. Наконец, отпечаток создавал единство между двумя возлюбленными, намечая одну и ту же дату смерти для них обоих.

Другими словами, родственные души, оставившие друг на друге отпечаток, абсолютно привязывались друг к другу до того момента, пока смерть не разлучала их. Вернуть назад ничего было нельзя, даже если бы позже они об этом пожалели.

Заявление Мугэня было столь же ошеломляющим, сколь и абсурдным. Возможно, у него действительно было немного не в порядке с головой, особенно учитывая то, что он что-то говорил об отпечатке на теле императора, оправляясь на погибель.

Сначала появились безумцы, а за ними — Мугэнь.

Цзинь Е предпочла ответить мягко.

— Ну, я полагаю, я могла бы вознаградить тебя соответствующим образом, хотя, возможно, и не отпечатком — если бы тебе каким-то образом удалось доказать, что ты чего-то стоишь.

Мугэнь настойчиво спросил её:

— Вознаградить меня как?

— Я сделаю тебя своим наложником, если тебе удастся выжить. А если ты действительно окажешься полезным, я даже сделаю тебя своим супругом. Я не могу сказать наверняка, но в этом случае перед тобой бы преклонились все, и ты вошёл бы в историю как мой единственный мужчина.

Цзинь Е улыбалась, когда говорила всё, что приходило на ум. Она говорила несерьёзно. Но свет в глазах Мугэня внезапно изменился, будто он увидел надежду в её словах.

— Вы дали обещание.

Похоже, это стало новой целью его жизни.

Цзинь Е расслабленно улыбнулась. В конце концов, этому никогда не бывать.

Соёп наконец выпроводил Мугэня из комнаты, и двери в покои императора захлопнулись.

<http://tl.rulate.ru/book/72898/3566788>